

DOI 10.31162/2618-9569-2020-13-4-900-910
УДК 297.17

Original Paper
Оригинальная статья

«Европейский ислам» Тарика Рамадана как проект переосмысления логики культурной идентичности

Д.В. Мухетдинов^{1, 2а}

¹Московский исламский институт, г. Москва, Российская Федерация

²Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9647-243X>, e-mail: dmukhetdinov@gmail.com

Резюме: В статье рассматриваются теоретические основания проекта «европейского ислама»: новый взгляд на соотношение частного/универсального в исламе, различие шариата и фикха, деконструкция классической в рамках «сакральной исламской географии» оппозиции между «пространством ислама» и «пространством неверия». Данный проект заслуживает пристального внимания как попытка реконцептуализации самой природы культурной идентичности. Автор показывает, что экзистенциальным мотивом разработки концепции Тарика Рамадана является стремление преодолеть «комплекс неполноценности» у мусульманской молодежи Европы. Интеграция мусульман в европейский контекст, предполагаемая рамадановским проектом, способствует перенаправлению энергии европейских мусульман в более конструктивное русло и их активному участию в создании совместного социально-политического будущего. Автор доказывает, что идея «европейского мусульманина» трансформирует сам концепт «европейского гражданства», в том числе для христианского и секулярного населения Европы.

Ключевые слова: пространство свидетельства; гражданство; духовный кризис; религиозная идентичность; ассимиляция; интеграция; уровни идентичности

Для цитирования: Мухетдинов Д.В. «Европейский ислам» Тарика Рамадана как проект переосмысления логики культурной идентичности. *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(4):900-910 DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-4-900-910

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Мухетдинов Д.В.
«Европейский ислам» Тарика Рамадана как проект переосмысления
логики культурной идентичности

Tariq Ramadan's «European Islam» as a project of rethinking the logic of cultural identity

D.V. Mukhetdinov^{1, 2a}

¹*Moscow Islamic Institute, Moscow, the Russian Federation*

²*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9647-243X>, e-mail: dmukhetdinov@gmail.com

Abstract: The present article examines the theoretical foundations of the «European Islam» project, that can be understood as a set of the following factors: a new understanding of the «universal» and «individual» correlation in Islam, differentiation of sharia and fiqh, deconstruction of traditional (in terms of «Islamic sacred geography») opposition between «the world of Islam» and «the world of infidelity». This project deserves serious attention as an attempt to re-conceptualize the very essence of cultural identity. The author demonstrates that the existential motive for developing Tariq Ramadan's theory is the urge to overcome the «inferiority complex» of Islamic youth in Europe. The path of integration of Muslims into the European environment presented by Ramadan's project leads to their energy being redirected to more constructive endeavors, so that they can actively participate in building a common future society and politics. The author proves, that the notion of «European Muslim» transforms the concept of «European citizenship», even for Christian and secular people in Europe.

Keywords: domain of witness; citizenship; spiritual crisis; religious identity; assimilation; integration; levels of identity

For citation: Mukhetdinov D.V. Tariq Ramadan's «European Islam» as a project of rethinking the logic of cultural identity. *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(4):900-910 (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-4-900-910

Введение

Тарик Рамадан (р. 1962) – всемирно известный швейцарский философ, богослов и исламовед египетского происхождения, внук отца-основателя движения «Братья-мусульмане» Хасана ал-Банни, чрезвычайно спорная фигура современного ислама. По версии журналов «Foreign Policy» и «Time», сегодня Тарик Рамадан является одним из наиболее влиятельных мусульманских интеллектуалов и религиозных новаторов. Своей огромной популярностью он обязан прежде всего трем факторам: (1) умению найти путь к сердцам европейской мусульманской молодежи (детей иммигрантов второго-третьего поколения) из числа социально обездоленных, что обеспечивает негласную

поддержку Тарика Рамадана и со стороны правительства Великобритании, видящего в нем средство «дерадикализации» молодых мусульман, (2) привлекательности его размышлений для недавно сформировавшегося среднего класса мусульман Европы и (3) высокому уровню красноречия, продемонстрированному в ходе многочисленных телевизионных дебатов с европейскими интеллектуалами и политиками. В данной статье мы не будем затрагивать его, вне всяких сомнений, богатую биографию и сосредоточимся на теоретическом вкладе.

Главным концептом, выражающим особую позицию и направление интересов Тарика Рамадана среди условного круга современных мыслителей-неомодернистов, является «европейский ислам». Его создание стало ответом на резкую интенсификацию антиисламских настроений (доходящих порой до неприкрытой исламофобии), вызванную делом Салмана Рушди (фетвой аятоллы Хомейни, призывающей к убийству писателя), реакцией верующих на многократные попытки запретить ношение хиджаба во Франции и в других европейских странах, террористическими актами, совершенными экстремистскими группами в Европе и США, спорами вокруг датских карикатур на пророка Мухаммада в 2005–2006 гг. и целым рядом других случаев. Уже из самого названия «европейский ислам» становится понятным и то, кто является основным адресатом послания швейцарского философа, а именно – современные европейские мусульмане [1, с. 144]. Они в наибольшей степени почувствовали на себе последствия атмосферы страха и непонимания, установившейся в последние годы вокруг ислама на Западе. Разумеется, это в полной мере касается и американских мусульман, однако Тарик Рамадан предпочитает вести речь о ситуации, со спецификой которой знаком более хорошо. Кроме того, довольно многие из сделанных им теоретических выводов без каких-либо натяжек экстраполируются и на США, и в некоторой мере – даже Россию.

Концепт «европейского ислама» как ответ на духовный кризис

Запущенный цикл насилия и ненависти стремится к постоянному расширению. Коварство логики, которая им управляет, позволяет вовлекать в это расширение даже человеческую ненависть к насилию, негодование среднестатистического жителя Запада. Во имя безопасности стартует кампания предупредительных мер, в том числе идеологического профиля, которая вы-

Мухетдинов Д.В.

«Европейский ислам» Тарика Рамадана как проект переосмысления
логики культурной идентичности

зывает еще большее раздражение некоторых мусульманских кругов. Гуманистические проповеди европейцев, несомненно, ведомые самыми добрыми намерениями, достаточно часто (пусть и неявно) содержат образ ислама как варварской и жестокой религии. Во всяком случае, обычно они бьют мимо цели, никак не влияя на убеждения публики: европейцы остаются при своем идеализированном образе просвещенного Запада, демонстрируя поразительную историческую амнезию, колеблющиеся молодые мусульмане не видят в них какой-либо опоры для собственных убеждений, а экстремистов они попросту не трогают. Такова точка зрения Рамадана:

«Существует множество стереотипов об исламе, и Европа достаточно потрудились, чтобы представить его чуждым. В средние века католическая церковь со своими пуританскими взглядами на сексуальность ненавидела ислам, обвиняя во вседозволенности и распущенности. Правда, ислам был признан источником знания в точных науках, философии и искусствах, но в то же время заявлялось, что арабские и мусульманские ученые есть не более чем обычные переводчики, которые передали информацию и немного помогли восстановить античное наследие, принадлежащее исключительно Европе. Даже сегодня звучат заявления, что ислам не идет в ногу со временем, не имеет ничего общего с разумом, науками, свободой и сексуальной моралью. Аргументы совершенно противоположны тем, что приводились в средневековье и во времена раннего Ренессанса: они утверждают, что современный ислам отличается крайней ограниченностью, жесткостью и всевозможными запретами. Восприятие на самом деле очень изменилось, но неизменным осталось стремление представить ислам отчужденным» [2].

По словам Рамадана, противопоставить растущей тенденции «радикализации» (точнее говоря, росту экстремистских настроений в мусульманской среде) можно лишь альтернативное толкование ислама, способное вернуть молодым мусульманам ощущение достоинства и напомнить о небывалом призвании их религии. Отвергая позицию «кающегося интеллектуала», он формулирует новую идеологию, задача которой – избавить мусульман Европы от духовного вакуума, растерянности и чувства утраты корней. Если шариату суждено быть путем, ведущим верующего к своим истокам, нам необходимо, считает Рамадан, в полной мере продемонстрировать его глобальное значение, не зависящее от локальных географических реалий. Подобное отсутствие зависимости не превращает шариат во что-то *абстрактное*. Напротив, оно

предполагает возможность различных путей *конкретизации* морального ядра ислама. В подобной этизации шариата, не отменяющей, впрочем, разработку конкретных правовых норм, Тарик Рамадан совпадает со многими другими деятелями прогрессивного ислама. Следует отметить, что конкретизации исламских ценностей в соответствии с образом, приемлемым для современного европейца, посвящена и первая переведенная на русский язык книга Рамадана «По стопам Пророка» [3].

Швейцарский автор концентрируется на различии фикха и шариата, утверждая, что не существует каких-либо препятствий для европеизации шариата:

«Исторически между терминами "шариат" и "фикх" часто возникала некая путаница: очень быстро, почти мгновенно работа ученых-правоведов по интерпретации и объяснению положений была возвышена до статуса абсолютного, неприкосновенного божественного закона. Мнения по юридическим вопросам превратились в неоспоримые эдикты. Несмотря на стремление великих ученых более ранних времен сохранить критический и избирательный подход к созданной ими системе законодательства и права, их последователи не смогли избежать соблазна и стали относиться к некоторым мнениям и интерпретациям как к чему-то божественному и неприкосновенному. Незыблемые правила и принципы (в отношении таких ритуалов и запретов, как банковский интерес или употребление спиртного) – часть исламского законодательства и права, но их истолкование, применение закона и осуществление в правовой системе божественным законом не являются. Концепции, созданные человеком, должны подвергаться оценке, критике и носить избирательный характер, а также по мере необходимости пересматриваться» [2, с. 153–165].

Европеизация в данном случае как раз и означает один из путей конкретизации, учитывающих по мере необходимости политико-правовой и идейный контекст региона [4]. Речь идет не о подчинении шариата неким чуждым ему ценностям, но о раскрытии его универсального содержания в окружающих европейских мусульман обстоятельствах. Мусульмане и сами являются их неотъемлемой частью. Таким образом, Рамадан выражает ощущение миллионов мусульман Европы того, что пришло время отказаться от дихотомии, в рамках которой мусульманская мысль определяет ислам через оппозицию Западу. Иной подход становится возможным, если отделить исламские прин-

ципы от культурного контекста их возникновения и утвердить их в актуальной культурной реальности. Как и все прочие носители «европейского гражданства», образующие совокупность разнородных групп, мусульмане Европы вовлечены в широкую дискуссию о судьбе ее культуры (прошлого, настоящего и будущего) и вносят свой неповторимый вклад в непрерывное формирование ее нового облика.

Концептуальное различие между шариатом и фикхом дополняется различием между существенными, или неизменными, и вторичными, или изменяющимися, частями религии. Данное различие, разумеется, не является оригинальным изобретением Рамадана и, в целом, характерно для всего современного модернистского дискурса, более того, – для всей истории исламской мысли. Пример, используемый Рамаданом для иллюстрации данного различия, т. е. разница между *'ибадатом* (поклонением) и *му'амалатом* (общественными делами), является классическим и существует с самого начала ислама. Швейцарский философ, тем самым, не занимается бесприммерно радикальным переосмыслением традиции и не стремится к всениспровергающей религиозной реформе. Его задача – понять свое историческое положение как *мусульманина и европейца*. Для этого он подвергает деконструкции традиционную географическую оппозицию между *дар ал-ислам* (пространством ислама) и *дар ал-харб* (пространством неверия), вводя новый концепт для описания статуса Европы – *дар аш-шахада* (пространством свидетельства). Идея *дар аш-шахада* позволяет объединить европейских мусульман и немусульман в новую общность и отказаться от взаимной вражды. В соответствии с ней Европа призвана стать тем местом, где мусульмане, живущие бок о бок с представителями других конфессий, могут свидетельствовать всему миру о величии и универсальности ислама. Здесь необходимо отметить, что Рамадан не предлагает никакого общего решения проблемы статуса «немусульман» в исламе (и вытекающих из этого статуса обязательств) путем анализа соответствующих текстов Корана и хадисов.

Мусульманин Европы – многоуровневая идентичность

Верность неизменному ядру религии и готовность изменять все оставшееся с учетом местного контекста – вот что составляет основу идентичности европейского мусульманина. Последний не отвергает европейское лишь потому, что оно европейское. Он не желает делать *гражданство* мерой (пусть

негативной) своей собственной *религии*, а ислам для Тарика Рамадана – это, безусловно, феномен теологического (но не культурного в узком смысле) порядка, т. е. «*только*» *религия* [1, с. 111–112]. Оппозиция *ислам/Запад* должна быть пересмотрена не в силу какого-то фатального превосходства западной цивилизации, но просто по причине ложности. Эти разнокатегориальные понятия не способны к взаимному определению, а потому их противопоставление неизбежно вводит в заблуждение. Рамадан предлагает не оппозицию и конфронтацию, а различие – национальности (или гражданства) и религиозного мировоззрения. Однако ошибкой было бы полагать, будто указанное теоретическое различие способно автоматически решить все проблемы, с которыми сталкиваются верующие. Скорее, оно точно артикулирует присутствующее европейским мусульманам двусмысленное положение и указывает необходимое направление дальнейшей работы. Например, как следует поступать мусульманкам, которым светское право Франции запрещает носить хиджаб в стенах школ и государственных учреждений? Этот и подобные ему вопросы означают, что европейским мусульманам следует либо переосмыслить определенные элементы исповедуемой религии, либо поспособствовать изменению господствующего правового порядка. В любом случае решительная критика воинствующего секуляризма (не секулярности как таковой) – моральный долг каждого мусульманина. В этой связи Рамадан подчеркивает, что проявление мусульманами любви к своей европейской родине не тождественно признанию ими собственной веры чем-то относительным и необязательным. Такая любовь должна выражаться не в отказе от религиозных корней, а в активном участии мусульман в социальной, политической и экономической жизни Европы посредством энергичной работы, направленной на достижение равенства и справедливости.

Сложная ситуация европейских мусульман заставляет их вернуться к духовным основаниям своей религии и перечитать ее основополагающие источники. Именно такое возвращение, а не ограниченный экстремистский буквализм, по словам Рамадана, заслуживает имени *салафизм*. Очевидно, что в европейском контексте некоторые источники должны быть прочитаны и истолкованы заново, ибо такова сама суть исламского обновления [5, pp. 9–26]. Однако, как подчеркивает Рамадан, обновление означает не изменение или отбрасывание текста, а его перепрочтение в новом аспекте. Универсальное послание ислама, таким образом, не устраняет многообразие, а

Мухетдинов Д.В.

«Европейский ислам» Тарика Рамадана как проект переосмысления
логики культурной идентичности

предлагает свой способ его восприятия. С умением мусульман донести собственное чувство универсальности напрямую связана возможность эффективного межрелигиозного и межкультурного диалога, выходящего за пределы стандартных ритуальных формул. Участие в подобном диалоге со стороны европейцев-немусульман требует от них, в свою очередь, отвергнуть политику двойных стандартов и отказаться от искусственного нагнетания конфликта идентичностей. Вопрос о том, что именно – *религия* или *гражданство* – представляет для европейца-мусульманина большую ценность, попросту неправильно сформулирован. Религия – это целостный взгляд на мир, предлагающий ответы на предельные вопросы о жизни и смерти. Сопутствующий ему образ жизни вовсе не исключает вариативность таких характеристик, как национальная принадлежность. В случае с мусульманином упомянутый вопрос имеет не больше смысла, чем в случае с христианином, которому обычно его не задают. Религия и гражданство не вступают в конфликт – в конфликт вступают конкретные ценности. И каждый такой конфликт требует проверки: насколько конкретная ценность действительно отражает сущность рассматриваемых религии и гражданства. Если помнить о мнимом характере дилеммы между европейским и исламским, решение множества проблем, которое не сразу можно найти, со временем будет обязательно обнаружено, в чем убежден Тарик Рамадан.

Многие вопросы, поднимаемые Рамаданом, остаются без ответов. Многие его ответы вызывают сомнения. Спорна и степень оригинальности даваемых им несомненно правильных ответов, поскольку они уже были предложены и разработаны на значительно более глубоком уровне другими мыслителями. И все-таки противоречивая фигура швейцарского интеллектуала не может быть спокойно вычеркнута из свершающейся у нас на глазах истории современного исламского дискурса. Его деятельность нашла столь широкий отклик, поскольку он стал одним из наиболее ярких борцов с «комплексом неполноценности», распространенным среди европейских мусульман. Рамадан верно указал мусульманам на коренной изъян ассимиляции: она не сделает вас частью европейской жизни, вы не сможете «жить как все». Напротив, подозрение, с которым к вам относятся христианские или секулярные соседи, и вытекающая из него изоляция будут дополнены вашей самоизоляцией – собственным отчуждением от универсального исламского послания. Христианам Европы не требуется отказываться от каких-либо эле-

ментов собственной религии, чтобы *«жить как все»*, а потому отказ молодых мусульман от исламской традиции – это очевидно неверный путь. Там, где христиане современной Европы сталкиваются с проблемами, в основном там же с ними сталкиваются и мусульмане.

Заключение

Даже если отбросить все теологические соображения, отказ от религии и связанная с ним внешняя ассимиляция не могут быть эффективным способом интеграции в окружающий жизненный порядок. Таким способом может быть лишь изменение и расширение изначальной «принимающей идентичности», которое достигается теоретическим указанием на ее многоуровневый характер и практической настройкой в соответствии с этим характером. Об этом хорошо пишет современный французский исламовед Оливье Руа:

«Мусульмане больше не иностранцы. Но их интеграция была достигнута не через ассимиляцию, как часто надеялись в принимающих странах, и не через формирование мультикультурного общества, как это часто описывают (то есть противопоставление различных групповых культур). Она была достигнута через трансформацию изначальных идентичностей в новую, изменчивую совокупность идентичностных паттернов, которые избегают любых попыток „субстанциализировать“ их. Идентичность ныне – не столько заданный факт, сколько индивидуальный выбор, она может меняться со временем или в зависимости от социальных условий и пересекаться с другими идентичностями» [1, с. 101].

Тарик Рамадан сумел показать, что европеец – это всегда сложная, многокомпонентная, интегральная идентичность, и мусульмане здесь не составляют исключения [6]. Он доказывает: можно быть современным человеком и не отказываться от ислама. Более того, современный человек может гордиться своей исламской идентичностью. Страсть, с которой Рамадан выступал в защиту мусульман как полноправных участников европейской культурной жизни, сделала его привлекательным в глазах молодого поколения верующих, пребывающих на грани духовного кризиса. Главные теоретические ограничения его дискурса, присущая тому концептуальная слабость, на наш взгляд, являются следствием самой логики идентичностей, вне использования которой он вряд ли сумел бы достичь такой популярности. В конечном счете ислам для него остается частью сложной идентичности, и более основательного прояснения феномена религии и природы религиозной веры, соотношения веры

и знания, веры и чувства мы у него не увидим. Необходимо признать: хотя Рамадан не относится к числу самых оригинальных и глубоких современных исламских мыслителей, все же он является одним из наиболее *влиятельных* интеллектуалов, пытающихся осветить пути ислама в современном мире.

Литература

1. Руа О. *Глобализированный ислам: в поисках новой уммы*. Пер. Ибатуллин Р. М.: Фонд Марджани; 338 с.
2. Рамадан Т. *Ислам. Прошлое и настоящее*. Пер. Нестеровой З. М.: Ко-Либри; 2018. 288 с.
3. Рамадан Т. *По стопам Пророка. Уроки из жизни Мухаммада*. Пер. с англ. М.: Слово без границ; 2015. 304 с.
4. Ramadan T. Europeanization of Islam or Islamization of Europe. Hunter S.T. (ed.) *Islam, Europe's Second Religion: The New Social, Cultural, and Political Landscape*. Westport: Praeger Publishers; 2002, pp. 207–218.
5. Ramadan T. *Radical Reform, Islamic Ethics and Liberation*. Oxford: Oxford University Press; 2009. 385 p.
6. Ramadan T. *To Be a European Muslim: a Study of Islamic Sources in the European Context*. Leicester, UK: Islamic Foundation; 1999. 273 p.

References

1. Rua O. *Globalizirovanniy islam: v poiskakh novoi ummy* [Globalized Islam: searching the new Ummah]. Ibatullin R. (tr.). Moscow: Mardjani Foundation; 338 p. (In Russian)
2. Ramadan T. *Islam. Proshloe i nastoyashchee* [Islam. The Past and the Future]. Nesterova Z. (tr.). Moscow: KoLibri; 2018. 288 p. (In Russian)
3. Ramadan T. *Po stopam Proroka. Uroki iz zhizni Mukhammada* [Following the Prophet. Lessons from the life of Muhammad]. Transl. from Engl. Moscow: Slovo bez granits publ.; 2015. 304 p. (In Russian)
4. Ramadan T. Europeanization of Islam or Islamization of Europe. Hunter S.T. (ed.). *Islam, Europe's Second Religion: The New Social, Cultural, and Political Landscape*. Westport: Praeger Publishers; 2002, pp. 207–218.
5. Ramadan T. *Radical Reform, Islamic Ethics and Liberation*. Oxford: Oxford University Press; 2009. 385 p.

6. Ramadan T. *To Be a European Muslim: a Study of Islamic Sources in the European Context*. Leicester, UK: Islamic Foundation; 1999. 273 p.

Информация об авторе

Мухетдинов Дамир Ваисович, доктор теологии, кандидат политических наук, ректор Московского исламского института, г. Москва, Российская Федерация; профессор Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; директор Центра исламских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

About the author

Damir V. Mukhetdinov, PhD (Theology), Cand. Sci. (Politics), the Head of Moscow Islamic Institute, Moscow, the Russian Federation; Full Professor, the Faculty of Asian and African Studies, Saint Petersburg State University, Director of the Center for Islamic Studies of St. Petersburg State University, Saint Petersburg, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 09 апреля 2020
Одобрена рецензентами: 22 мая 2020
Принята к публикации: 02 октября 2020

Article info

Received: April 09, 2020
Reviewed: May 22, 2020
Accepted: October 02, 2020